

УДК 103.7(44.333)

**НЕКОТОРЫЕ ФЛОРОНИМЫ СТАРОБИНАРАДСКОГО ГОВОРА
МОКША-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА: МАТЕРИАЛЫ К ДИАЛЕКТНОМУ
СЛОВАРЮ**

Н.В. Беленов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия, belenov82@gmail.com*

В статье рассматриваются некоторые флоронимы старобинарадского говора мокша-мордовского языка, бытующего в селе Старая Бинарадка Красноярского района Самарской области. Основное внимание уделяется диалектным формам флоронимов, отличным от литературно-письменной нормы. Статья базируется на полевых материалах автора.

Ключевые слова: лексикология; диалектология; флоронимы; мокша-мордовский язык; мордва; эрзя-мордовский язык; Самарское Поволжье

Старобинарадский говор мокша-мордовского языка представляет интерес для диалектологов (и не только) сразу по нескольким причинам.

Мордовское население Старой Бинарадки в значительной степени составляют потомки выходцев с Самарской Луки, главным образом, из села Бахилово. Самаролукские мокшанские говоры составляют особую диалектную разновидность мокша-мордовского языка, пока ещё недостаточно исследованную; однако, уже на данном этапе можно утверждать, что мокшанские в своей основе, они испытали на каком-то этапе значительное эрзянское влияние, а также имеют некоторые черты, характерные для диалекта мордвы-шокши. При этом именно бахилковский говор пострадал сильнее остальных в результате социально-демографических изменений на Самарской Луке происшедших в течение последних десятилетий [1], в свете чего изучение языка потомков выходцев из Бахилово в какой-то степени позволяет восполнить этот пробел.

В данной работе мы сосредоточимся на таком разделе лексики, как названия растений, отличающемся заметным диалектным разнообразием во многих языках, в том числе и в мордовских.

Вопросы названий культурных и дикорастущих растений в говорах мордовских языков в той или иной степени затрагивались в работах специалистов финно-угроведов [2, 5, 6, 7], особенное внимание их изучению уделяет А.М. Гребнева [3, 4].

Вместе с тем, многие диалектные названия растений в мордовских языках, в особенности у мордвы, проживающей за пределами территории Республики Мордовия, остаются слабоизученными или вовсе неизвестными.

В старобинарадском говоре имеется достаточно представительный кластер флоронимов, имеющих полное соответствие в литературно-письменном мокша-

мордовском языке, либо отличающихся от литературно-письменных форм только за счёт аффиксации, что для мордовских языков типично. Кроме того, мы не рассматриваем здесь в качестве диалектных вариаций фонетические отличия, которые имеют место, поскольку фонетика старобинарадского говора имеет существенные отличия от фонетики литературного мокшанского языка. Здесь и далее флоронимы приводятся так, как они звучат в старобинарадском говоре.

К данному кластеру относятся, например, следующие флоронимы, бытующие в старобинарадском говоре: *тума* – ‘дуб’; *пою* – ‘осина’; *пиди палакс* – ‘крапива’; *шей* – ‘камыш (осока, рогоз и т.д.)’; *келу* – ‘берёза’.

Также надо отметить семантические переходы. Так, флороним, обозначающий в мордовских языках сосну – *ниче*, в старобинарадском говоре в речи части носителей имеет значение ‘дерево вообще’, поскольку село находится в окружении соснового бора. Мокшанская лексема *шуфта* – ‘дерево’, в таком случае сохраняется лишь в прилагательном *шуфтэнь* – ‘деревянный’. Аналогичный семантический переход произошёл и в ареально близком старобинарадскому (но не родственном ему) узюковском говоре мокша-мордовского языка, носители которого проживают в аналогичном природном окружении (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Узюково, 2024). Кроме того, дерево липа у мокшанского населения Старой Бинарадки обозначается лексемой *ленгакс*, которая восходит к слову *ленгя* – ‘лыко’ с аффиксом превратительного падежа в мордовских языках – *кс*.

Лыко имело раньше существенное значение в хозяйстве мордвы, деланки под добычу этого ценного ресурса распределялись заранее между всеми хозяйствами на общем сходе (ПМА, Оренбургская область, Бугурусланский район, Кирюшкино, 2021). Поскольку основной древесной породой, с которой заготавливалось лыко, у мордвы была липа, то и название этого дерева в некоторых говорах изменилось на *ленгакс*. Также сравните в ряде эрзянских говоров: *ленгекс* – ‘молодая липа’ (на заготовку лыка использовались молодые деревья); в других говорах *ленгекс* – ‘липа с содранной корой’. Вероятно, семантический переход в старобинарадском говоре шёл тем же путём. Здесь же отметим, что в мокшанских говорах Самарской Луки сохраняется название *пеши* для липы (например, в торновском говоре мокша-мордовского языка).

Заслуживает внимания вытеснение собственно мордовского названия для ивы в старобинарадском говоре соответствующим русизмом. Но при этом лексема *каль* сохраняется здесь в значении ‘заросли’. На Самарской Луке, например, в торновском говоре, лексема *каль* в настоящее время полностью утрачена, сохранившись лишь в топонимии: *Каль* – название озера у села Торновое, современным мокшанским населением никак не этимологизирующееся. Озеро это мелководное, берега его и время от времени пересыхающие участки зарастают различными ивовыми породами, поэтому весьма вероятно, что в основе его названия лежит та же лексема, сохранившаяся в старобинарадском говоре; таким образом, название озера можно перевести на русский язык как Кустоватое – что имеет многочисленные параллели в различных языках как на Самарской Луке, так и вообще в Среднем Поволжье. Здесь же укажем, что, по некоторым данным, нуждающимся в уточнении (часть информантов была с этим не согласна), в старобинарадском говоре за ивой, либо за вербой закрепились лексема *варда*, которая в мордовских языках вообще имеет иные значения, чаще всего негативные.

Перечислим ещё несколько флоронимов, бытующих в старобинарадском говоре.

Нормаль – ‘лесная ягода’, ‘крупная лесная клубника’. В литературно-письменном языке за этой лексемой закрепилось значение ‘клубника (садовая земляника)’, хотя изначально значение данной лексемы в мокшанских диалектах было ближе к тому, которое сохраняется в старобинарадском говоре.

Кистенька – ‘маленькая душистая земляника’. В ряде диалектов мокшанского языка бытует лексема *ксты* (чаще произносится как *кисты*) в значении ‘земляника’. В старобинарадском говоре на форму флоронима повлияла русская аффиксация, возможно, при влиянии другого русского флоронима – *костяника*, которую мокшане Старой Бинарадки и Узюково ценят и собирают. Впрочем, для *костяники* в данных говорах бытуют собственные наименования.

Саразань сильмонят – ‘костяника’. Эта ягода вообще в большом почёте у мордвы данного субрегиона, её старобинарадское название можно перевести на русский язык как ‘куриные глазки’.

Толгалакс – ‘щавель’. Данная лексема не встречалась нам нигде, кроме как в старобинарадском говоре. В литературном мокшанском языке щавель обозначается *умбрав*. В основе старобинарадского флоронима лежит общемордовская лексема *толга* – ‘перо’, очевидно, в связи с характерной формой листьев этого растения. Аффикс –*кс* также является общемордовским, сложнее с аффиксом –*ла*. Учитывая этноязыковую историю носителей старобинарадского говора и их предков с Самарской Луки, можно предполагать здесь тюркский аффикс прилагательного. Окончательно ответить на этот вопрос помогут дальнейшие исследования.

Пинемкс – ‘овёс’. Флороним в старобинарадском говоре отличается от литературной мокшанской формы только аффиксацией: стандартизированная форма – *пинем*.

Равжака – ‘бузина’. В основе флоронима лежит лексема *равжа* – ‘чёрный’, что объясняется цветом зрелых ягод этого растения. В ряде мокшанских диалектов для данного растения отмечается устойчивое словосочетание *баяронь шуфта* – барское дерево, при этом в других так обозначается боярышник, а для бузины используется заимствование из русского языка.

Чуктр – ‘какое-то дерево, возможно, клён’. В литературно-письменных мордовских языках клён называется *уштор* и *укиштор*. В ряде эрзянских диалектов Заволжья нами отмечается форма *укишторо*. Также в старобинарадском говоре бытует лексема *шукиштр* – ‘сосновая кора для розжига’.

Кармараф – ‘репей’. Точного соответствия старобинарадскому флорониму среди литературно-письменных и диалектных форм в мордовских языках обнаружить не удалось, ближе всего, полагаем, эрзянское *кирмалав* – ‘репей’. Эрзянский компонент в составе мордовского населения Старой Бинарадки фиксируется как по историческим документам (ревизские сказки XVIII века), так и в этноязыковой самоидентификации носителей старобинарадского говора.

В настоящее время эрзянское влияние на старобинарадский говор мокша-мордовского языка прослеживается лишь в ряде лексем, однако, надо учитывать, что отдельные эрзянизмы фиксируются и в мокшанских говорах Самарской Луки, поэтому время и пути их проникновения в старобинарадский говор – тема для отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беленов, Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки / Н.В. Беленов. – Самара: Порто-принт, 2018. 200 с.

2. Беленов, Н.В. Флористическая лексика эрзянских говоров Самарского Заволжья: названия деревьев / Н.В. Беленов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2022. – №12. – С. 75 – 80
3. Гребнева, А.М. Диалектные наименования номинантов мордовских травянистых растений / А.М. Гребнева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2012. – №2. – С. 6 – 13
4. Гребнева, А.М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах / А.М. Гребнева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – №2. – С. 7 – 17
5. Гришунина, В.П. Диалектная лексика мокшанского языка / В.П. Гришунина. – Самара: Издательство Мордовского университета, 2015. – 172 с.
6. Поляков, О.Е., Леткина, Н.В. Зоонимический компонент в системе названий растений мордовских (мокшанского и эрзянского) языков / О.Е. Поляков // Вестник уgroведения. – 2023. - №3. – С. 476 – 483
7. Paasonen, H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heik kilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla / H. Paasonen. – Helsinki, 1990 1996. – Bd. 1–4.

**SOME FLORONYMS OF THE STAROBINARADSKY DIALECT
OF THE MOKSHA-MORDOVIAN LANGUAGE:
MATERIALS FOR A DIALECT DICTIONARY**

N.V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russia, belenov82@gmail.com

The article examines some of the floronyms of the Starobinaradsky dialect of the Moksha-Mordovian language spoken in the village Staraya Binaradka, Krasnoyarsk district, Samara region. The main attention is paid to the dialectal forms of floronyms, which differ from the literary and written norm. The article is based on the author's own field materials.

Keywords: lexicology; dialectology; floronyms; Moksha-Mordovian language; Mordva; Erzya-Mordovian language; Samara Volga region